

INSPIRIA

18+

Лю
Чжэньюнь

INSPIRIA

Лю Чжэньюнь

Мобильник

Серия «Loft. Азиатский бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73940047

*Мобильник:
ISBN 978-5-04-247081-3*

Аннотация

Когда телефон – не просто средство связи, а оружие, меняющее язык, отношения и саму реальность.

Успешный телеведущий Янь Шоуи умеет говорить – но не умеет быть искренним. За блеском его карьеры скрываются измены, страхи и пустота, которую невозможно заглушить словами. В его жизни переплетаются судьбы женщин, друзей и случайных людей – и каждый из них по-своему теряется в мире, где разговоры больше ничего не значат.

«Роман стал своевременным отражением общества, которое захлестнула лихорадка мобильных телефонов. А холодная резкая сатира Лю Чжэньюня нашла отражение и в киноверсии романа, снятой Фэн Сяоганом». – CHINADAILY

Содержание

Первая часть	5
1	5
2	12
3	17
4	25
5	28
6	37
7	40
Вторая часть	42
1	42
2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лю Чжэньюнь

Мобильник

© Родионова О., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Первая часть

Люй Гуйхуа – со слов телеведущего

1

Лао Нью – сельский телефонист, в 1968 году вместе с отцом Янь Шоуи торговал луком.

До торговли луком отец Янь Шоуи не любил разговаривать. В деревне, где день начинался с восходом солнца и казался длинным, он с утра и до самого вечера мог запросто обойтись десятью фразами. В их число непременно входило шесть штук обиходных словечек. Свое восхищение, начиная с такого значительного события, как пристройка к дому, и заканчивая таким ничтожным, как появление очередного ночного горшка, Лао Янь умещал в слове «дельно». Неудовольствие он выражал фразой «Ну и дела». В остальных четырех случаях он пользовался междометиями. При этом радовался он или злился, реакция была одной: «Твою мать». Но, взявшись за торговлю луком, Лао Янь стал более разговорчив. Прошло каких-то полгода, и он даже мог рассказать целую историю. Янь Шоуи помнит, что тогда в арсенале у его отца имелось две такие истории: одна – про тефтели, а другая – про рисовое печенье.

«Один человек перед Новым годом отправился на базар продавать «духов ворот», охраняющих дом от нечистой силы¹. Рядом с ним оказался торговец гороховыми тефтелями. Человек купил у него четыре цзиня² тефтелей, а торговец по знакомству отвесил ему шесть цзиней. Человек не заметил, как одну за другой слопал все тефтели. Встал было с места, как – бац! – и копыта отбросил».

Другая история такая:

«У одного человека в сезон сбора пшеницы пропала корова. Два дня он бродил по округе, не нашел. Голодный, он пошел обратно в деревню и встретил у околицы знакомого продавца сладостей. «Продай, – говорит, – братец, мне пять цзиней рисового печенья в долг». Съел он все печенье, вернулся домой и с порога попросил у жены воды. А едва выпил, как – бац! – и копыта отбросил».

Когда-то эти истории Янь Шоуи вовсе не казались смешными, но, вспоминая их в сорок лет, он всякий раз смеялся. Сначала Янь Шоуи думал, что отец научился разговаривать благодаря постоянному общению с покупателями. Только позже он узнал, что говорить его научил один человек, тот самый Лао Ню. По вечерам, когда вся семья собиралась на кухне за ужином, отец вдруг ни с того ни с сего мог прыснуть со смеху и, покачав головой, сказать: «Ох уж этот Лао Ню».

¹ Бумажные изображения двух божеств, которые наклеивают на ворота накануне Нового года, чтобы уберечь дом от всякого зла. – *Здесь и далее прим. пер.*

² Один цзинь равен 500 г.

Янь Шоуи понимал, что в такие минуты отец весь уносился мыслями к Лао Нью и своему луку. Тогда Янь Шоуи казалось, что торговля луком – это лучшее, что может быть на свете.

В декабре 1968 года, в день зимнего солнцестояния, Лао Нью вместе с Лао Янем, завершив торговлю, возвращался из угольной шахты в Чанчжи, что находилась за двести ли от дома³. Проезжая деревню Лао Яня, Лао Нью заглянул к ним домой. До своей встречи с Лао Нью Янь Шоуи представлял его рослым, разговорчивым, со звонким голосом. На деле же оказалось, что тот едва выше стола, а из его рта, напоминавшего рот Лэйгуна⁴, вырывались какие-то женоподобные звуки. Доведись раньше Янь Шоуи представить себе встречу с Лао Нью, он бы наверняка стушевался. Он и подумать не мог, что Лао Нью робко улыбнется ему, одиннадцатилетнему мальчишке, снимет шапку-ушанку и вытрет ею выступившую на лбу испарину. Лао Янь пригласил Лао Нью пройти выпить воды. Но когда Янь Шоуи попытался было тоже присоединиться, Лао Янь вдруг пнул его в живот и остерег: «А ну, катись отсюда, сопляк!»

Взрослые уединились в комнате, и Янь Шоуи так и не услышал, про что говорил Лао Нью. Из случайных обрывков фраз он лишь узнал, что столько-то раз они останавливались в дороге на перекус да столько-то корма съел их осел. По-

³ Один ли равен примерно 500 м.

⁴ В китайской мифологии – бог грома.

том, кроме бесконечных прихлебываний, он так ничего и не услышал. Ну а когда Лао Нью отправился со своим запряженным в тележку ослом дальше, Лао Янь объявил домочадцам: «Говорить умеет, но сегодня не говорил».

Двадцать третьего числа предновогоднего месяца отец Янь Шоуи, прихватив с собой свиной окорок, направился в деревню к Лао Нью, чтобы заодно подбить их счета за год. Утром его настроение было хоть куда, а вечером он возвратился мрачнее тучи. Усевшись на пороге дома, он долго пыхтел трубкой. Наконец, когда три яркие звезды на небосводе склонились к западу, он встал и, звучно постучав трубкой по макушке, заявил: «Я буду последним идиотом, если снова поеду продавать лук!»

Янь Шоуи рано потерял мать, она умерла от голода в шестидесятом году, так что жили они с бабушкой. От нее-то он и узнал на следующий день про ссору отца с Лао Нью во время дележки доходов. С тех пор как отец распрощался с луком и Лао Нью, он, как и прежде, ходил понурый и замкнутый.

У Янь Шоуи был дядя – муж тетки со стороны матери, звали его Лао Хуан. У себя в деревне он открыл красивую мастерскую. Когда пришла весна, Лао Хуан предложил Лао Яню ходить по соседним деревням и собирать полотно. Но тот лишь покачал головой:

– Для такого занятия требуется зазывала, это не про меня.
– Что, ты не сможешь крикнуть: «Красильня из деревни Хуанцзячжуан!»?

Но Лао Янь снова покачал головой и не согласился.

Весной 1989 года у отца Янь Шоуи обнаружили в мозгу тромбоз сосудов. Старик начал забываться, левая половина тела обездвижилась. Но, в отличие от большинства людей, у которых при этом вообще отказывает речь, Лао Янь пусть и заикаясь, но все-таки строил целые предложения. Кроме того, в отличие от больных, теряющих память, Лао Янь мог во всех деталях вспомнить свою жизнь, на что не был способен, даже будучи здоровым. В конце года Янь Шоуи вернулся из Пекина в родную деревню в провинции Шаньси, чтобы встретить вместе с родными Новый год. Вся семья собралась за праздничным ужином. Расселись по всем правилам: наполовину разбитый параличом Лао Янь – лицом к западу, Янь Шоуи – лицом к северу, и как-то так вышло, что разговор зашел о Лао Ню, о том, как в 1968 году они вместе с отцом продавали лук и как потом рассорились, не поделив деньги. И тогда Лао Янь поднял вверх здоровую правую руку и, тряся ладонью, прерывисто, с большим трудом вымолвил:

– Он подделал счета!.. Где говорят деньги, там молчит совесть!

– Друзьям лучше вообще не стоит вместе заниматься бизнесом, – обронил кто-то за столом.

А Лао Янь ответил:

– Нечестную дележку я, так уж и быть, стерпел. Двадцать третьего числа перед Новым годом мы целый день подбивали счета, и к вечеру я, взяв свою долю, собрался домой. Выйдя

за порог, я вдруг опомнился, что мы не решили, в какой день после праздников снова поедем торговать. Тогда я вернулся во двор и тут услышал, как Лао Нью говорит своей жене: «Этот Лао Янь – идиот конченный...» Не из-за денег я с ним порвал, а из-за этой фразы.

Сказав это, старик залился слезами:

– Никто со мной в этой жизни не водился, а тут нашелся единственный человек, и тот обозвал идиотом конченным! – Тыча себе в грудь, Лао Янь добавил: – Тошно мне от всего этого.

Летом 1995 года у отца Янь Шоуи случился повторный инсульт, рот его съехал набок, и старик стал пускать слюни. С тех пор и до самой смерти он уже не разговаривал.

Лао Нью после разрыва с Лао Янем тоже забросил торговлю луком. В 1969 году в их селе установили первый рычажковый телефон, и Лао Янь устроился на почтовое отделение телефонистом. В то время на это место претендовало двадцать с лишним человек. Тогда заведующий почтой Шан Сюэвэнь, чтобы их усмирить, созвал всех желающих и объявил:

– Для телефониста главное – уметь орать во всю глотку. Сейчас каждый из вас попробует поорать, а я выберу.

Двадцать с лишним человек начали поочередно драть глотки, в результате лучшим крикуном признали Лао Нью. И неважно, что голос у него оказался женским, зато в сельпо напротив от его крика полопались стекла. К тому же кричал

он не только громче всех, но и дольше всех. Шан Сюэвэнь даже успел зажечь и выкурить целую папиросу, а Лао Ню все продолжал орать. Наконец Шан Сюэвэнь его остановил и изрек: «Хорош, уже ишака перекричал!»

В 1996 году Янь Шоуи стал ведущим телевизионного ток-шоу «Хочешь? Говори!». Когда он превратился в звезду экрана, вся страна восприняла это как должное, и лишь жители деревни Яньцзячжуан недоумевали: «Как же, твою мать, так случилось, что этого человека, чей отец произносил в день не больше десяти фраз, кормит его язык?»

В 1968 году Янь Шоуи дружил с одним мальчишкой, которого звали Чжан Сяочжу. Янь Шоуи родился в год Петуха, поэтому тогда ему как раз исполнялось одиннадцать, а Чжан Сяочжу, рожденному в год Обезьяны, – двенадцать. Голова Чжан Сяочжу напоминала скошенную тыкву, а тонкие руки и ноги – конопляные стебли. Тяжелая, словно жернов, его голова все время свешивалась набок. Правый глаз когда-то был поранен стеклом, поэтому, прежде чем что-то рассмотреть, он всегда тер левый глаз. Мать у Чжан Сяочжу была слабоумной, а отец добывал уголь на шахте в Чанчжи за двести ли от их деревни Яньцзячжуан, поэтому можно сказать, что Чжан Сяочжу жил у бабушки. Янь Шоуи вообще рос без матери, у Чжан Сяочжу мать что была, что не было, поэтому частенько мальчишки ходили в школу вместе. В 1968 году отец Чжан Сяочжу привез ему из той самой Третьей шахты Чанчжи списанный шахтный фонарь. Но если ночью в него вставляли уже отработанный аккумулятор, то все было видно на расстоянии двух ли окрест. Ночи в деревне хоть глаз выколи, и мальчишки, вооружившись этим фонарем, шли на горный склон за деревней и прямо на небе чертили светом иероглифы. Чжан Сяочжу нравилось писать «Мама, ты – не дурочка», а Янь Шоуи – «Мама, ты где?». Эти две строчки могли продержаться на черном экране небосвода до пяти

минут.

Школа в деревне Яньцзячжуан размещалась в бывшем коровнике. Их учителя звали Мэн Цинжуй. В пятнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю⁵ Мэн Цинжую понадобилось съездить на деревенскую ярмарку. Он запер учеников в школе, дав им задание кое-что выучить наизусть. Несколько мальчишек – Янь Шоуи, Чжан Сяочжу, Лу Гоцин, Цзян Чангэнь и Ду Техуань – выбрались из небольшого проема в задней стене, откуда раньше вычищали навоз, скинули обувь, засунули ее за пояса и помчались через речушку на другой склон горы воровать арбузы. В их деревне за арбузами присматривал глуховатый Лао Лю. Сперва Янь Шоуи с товарищами собирался украсть арбузы, но, подобравшись к шалашу сторожа и заглянув внутрь, они увидели, как Лао Лю собирается в котелок с кипятком сбросить полную крышку пельменей. Тогда-то им и пришла мысль вместо арбузов своровать пельмени. Янь Шоуи вместе с Цзян Чангэнем побежал на бахчу делать вид, что ворует арбузы. Лао Лю выбежал из своей сторожки за ними, а в это время Чжан Сяочжу, Лу Гоцин и Ду Техуань выудили шумовкой из котелка все пельмени и, положив их в закатанные подолы, побежали обратно за склон, где стали дожидаться Янь Шоуи с Цзян Чангэнем. Янь Шоуи был единственным, кто не поел пельменей. Лао Лю не удалось поймать Цзян Чангэня, зато он поймал Янь Шоуи. После обеда к расследованию это-

⁵ Праздник середины осени.

го дела приступил Мэн Цинжуй. Янь Шоуи, не дожидаясь, пока учитель возьмет портновский бамбуковый метр и как следует отстегаёт ему ладони, выдал своих четырех сообщников: Чжан Сяочжу, Лу Гоцина, Цзян Чангэня и Ду Техуаня. Вечером, когда остальные ученики отправились домой, Янь Шоуи и эти четверо, поставленные к стене, все еще отбывали наказание. Луна в эту ночь пятнадцатого числа восьмого месяца вошла во всей своей красе. Мэн Цинжуй, смакуя привезенный с ярмарки лунный пряник, сказал:

– Вы после пельменей сытые, так что вам по силам простоять до завтрашнего утра, а потом все на занятия.

С тех самых пор Янь Шоуи, пока ходил в школу, так и не решался поднять головы. Он стыдился не того, что участвовал в краже, а того, что выдал товарищей. Больше всего на Янь Шоуи ополчился Чжан Сяочжу:

– Ладно бы других выдал, но ведь я его друг, как он мог предать меня?

С того времени они больше не общались.

Полгода спустя отец Чжан Сяочжу забрал сына к себе на Третий рудник шахты Чанчжи, что за двести ли от их деревни. Поскольку отец Чжан Сяочжу давно уже перевез к себе дурочку-жену, теперь он приехал за сыном, чтобы тот заботился о матери. Как-то вечером за день до отъезда Чжан Сяочжу пришел к Янь Шоуи и подарил ему шахтерский фонарь, которым они когда-то разрисовывали небо. Утром следующего дня Янь Шоуи пришел провожать Чжан Сяочжу,

тот рыдал, уткнувшись в дверь бабушкиного дома. Его бабушка тоже плакала. Отец с узлом вещей стоял поблизости. В конце концов бабушка сама оторвала Чжан Сяочжу от двери и велела идти за отцом.

Через три месяца Янь Шоуи получил свое первое в жизни письмо. Писал ему Чжан Сяочжу из Третьего рудника шахты Чанчжи. Почтальон три раза обошел их деревню в поисках Янь Шоуи. Наконец Лао Лю, что присматривал за арбузами, смачно сплюнув на землю, выругался:

– Какой еще, на хер, Янь Шоуи? Это арбузный вор Бай Шитоу⁶.

Сверху на конверте стояла красная печать «Третий рудник шахты Чанчжи». На письме красовалась точно такая же печать. Само послание было очень коротким. Чжан Сяочжу просто интересовался, светит ли еще фонарь, который он подарил Янь Шоуи.

Янь Шоуи написал ответное письмо. Когда оно было готово, он пошел попросить у отца восемь фэней⁷ на почтовую марку. Но как раз тогда отец поссорился с продавцом лука Лао Ню. Будучи не в духе, он отвесил сыну затрещину и матюгнулся:

– Твою мать, за какие-то слова еще и деньги платить!

⁶ В Китае, кроме официального имени, у детей сохраняется так называемое детское имя, которое им дают при рождении. Дословный перевод Бай Шитоу – Белый Камешек.

⁷ Денежная единица, равная $\frac{1}{100}$ части юаня.

Так что то письмо так и осталось неотправленным.

В 1969 году в деревню Яньцзячжуан приехала двадцатилетняя Люй Гуйхуа, вышедшая замуж за одного из местных. Янь Шоуи сразу унюхал, что пахнет она как-то по-особому. В ней присутствовал не только запах, свойственный другим молодым замужним женщинам, к нему примешивалось что-то еще. От нее пахло, как от перезревшей пшеницы, чуть приторно, чуть сладко. Едва она оказывалась рядом, глаза слипались и клонило в сон. Благодаря приезду в 1969 году Люй Гуйхуа Янь Шоуи раньше времени узнал, как пахнут такого рода женщины.

В тот год слава о Люй Гуйхуа простиралась на несколько десятков ли окрест. А прославилась она тем, что до своего замужества успела переспать с Сяо Чжэном, отвечавшим за радиоточку на селе, у которого была жена. В 1969-м жизнь каждого семейства в деревнях регулировало радио. В шесть утра из него доносилась песня «Алеет Восток»⁸, после чего эфир заполняли изречения председателя Мао. Сяо Чжэн отвечал за работу всех-всех сельских радиоточек, а потому даже ночи проводил в радиорубке. Кроме умения разбираться в технике у него также имелись артистические способности. Именно арии в его исполнении и привели в его рубку Люй Гуйхуа. И тогда в шесть утра, когда Сяо Чжэн на какое-то

⁸ Песня, прославляющая Мао Цзэдуна.

время вдруг ослабил бдительность, переключив рычажок репродуктора не в ту сторону, изо всех радиоточек вместо песни «Алеет Восток» и последующих изречений председателя разнеслись постельные стоны и вскрикивания. И это вызвало у всех жителей куда больший интерес. Несмотря на это, уже на следующий день место Сяо Чжэна занял Сяо Юэ. Из радиоточек вновь зазвучали «Алеет Восток» и изречения председателя Мао. А те двое, Сяо Чжэн и Люй Гуйхуа, больше никогда не встречались друг с другом.

Через три месяца Люй Гуйхуа вышла замуж за Ню Саньцзиня из деревни Яньцзячжуан. Ню Саньцзинь вместе с отцом Чжан Сяочжу добывал уголь на Третьем руднике шахты Чанчи. Услыхав о переезде Люй Гуйхуа в их деревню, все жители ополчились против нее. Даже неразговорчивый от природы отец Янь Шоуи и тот, багровый от злости, плюнул в сторону двери и изрек:

– Потаскуха, твою мать!

Однако, увидев Люй Гуйхуа, он тут же захотел взять ее в жены. Своему отцу он сказал:

– И вовсе она не потаскуха.

– Да она что велосипед, на котором поездили и возвратили, – ответил тот.

Собственно, в сам день свадьбы Янь Шоуи не удалось увидеть Люй Гуйхуа, потому как он вместе с отцом отправился в село продавать свинью. Зато на следующее утро по дороге в школу за околицей деревни он увидел Ню Саньцзиня, ко-

торый вез на велосипеде Люй Гуйхуа – они ездили покупать плафон для лампы. Не было ничего удивительного в том, что еще издали Янь Шоуи заметил красную куртку Люй Гуйхуа. Приблизившись, он тотчас уловил ее особенный запах. Тогда же он заметил, что и глаза у нее особенные. С виду – просто щелочки, как у козочки, полузакрытые, но вдруг она широко их распахнула, как бы случайно посмотрев на Янь Шоуи, и сердце двенадцатилетнего парня тут же попало на крючок. Спустя двадцать с лишним лет в горах Лушань Янь Шоуи случилось встретить другую женщину с точно такими же глазами. И тогда он понял, что оружием таких девиц являются не только глаза. То есть днем – безусловно, а вот ночью у них припасено еще и кое-что другое. Тогда же он осознал, что значит выражение «роковая женщина», такие штучные экземпляры можно по пальцам пересчитать. Янь Шоуи только никак не мог взять в толк, каким образом в те годы эта роковая женщина могла появиться в их захолустной горной деревушке в провинции Шаньси?

Через десять дней после свадьбы Нью Саныцзинь снова уехал за двести ли от дома в Третий рудник добывать уголь. По вечерам Янь Шоуи, Лу Гоцин, Цзян Чангэнь и Ду Техуань отправлялись всей компанией поразвлечься к домику ново-брачной Люй Гуйхуа. Теперь их прошлые забавы в сарае, где они выстраивали стратегии по обольщению девчонок, казались им детским лепетом. Сначала, когда мальчишки еще не познакомились с Люй Гуйхуа, Янь Шоуи вместе с ребятами

карабкался на гребень стены дома Нью Саньцзиня и уже оттуда тайком наблюдал в освещенное окно за тем, что происходило внутри. Из-за плафона, пристроенного сверху масляной лампы, оконная бумага в их доме пропускала гораздо больше света, чем у других. Прямо за домом Нью Саньцзиня имелась заросшая камышом яма. Мальчишки, пристроившись среди этих зарослей, мостились друг к другу на плечи, после чего осторожно слюнявили бумагу, проделывая в ней дырочки для наблюдений. Каждый день они любовались Люй Гуйхуа – в ярком свете лампы она крутилась по комнате, разучивая те самые арии, которые когда-то исполнял работавший на радиостанции Сяо Чжэн. Больше всего ей нравилось петь арию из «Седой девушки»⁹. Как-то раз она пела-пела, а потом взяла в руки эмалированную кружку и поднесла ее к губам. Мальчишки, естественно, подумали, что Люй Гуйхуа просто решила попить, а она вдруг резко развернулась и выпрыснула набранную в рот воду прямо на окно. Две выстроенные под ним живые лестницы рухнули в камыши. Потом, перескочив через ограду, мальчишки протиснулись в комнату к Люй Гуйхуа, повалили ее на кровать и стали щекотать. Люй Гуйхуа, задрав ноги выше головы, хохотала как сумасшедшая. Вот так они и познакомились. Янь Шоуи, упав в камыши, до крови поцарапал лицо. Памятуя прошлое, когда он заложил товарищей после кражи пельменей,

⁹ Китайская революционная опера, созданная в 1945 году и чрезвычайно популярная в годы «культурной революции».

Янь Шоуи теперь всегда чувствовал себя обязанным. Поэтому, когда мальчишки карабкались друг на друга, выстраивая лестницу, он всегда оказывался под задницей Лу Гоцина.

— Ох, да у него кровь идет!

Благодаря царапинам на лице Янь Шоуи очутился в жалостливых объятиях Люй Гуйхуа, которая поставила мальчика перед лампой и стала прижигать его ранки. Вздыхающаяся грудь Люй Гуйхуа, ее запах так одурманили Янь Шоуи, что он чуть не упал в обморок. Такой размякший вид Янь Шоуи вызвал недовольство остальных парней. Лу Гоцин, сплюнув на землю, огрызнулся: «Тряпка!»

Люй Гуйхуа вышла замуж двадцать шестого числа девятого лунного месяца. Ню Санынцзинь вернулся на работу в Третий рудник шестого числа десятого лунного месяца. Седьмого числа одиннадцатого лунного месяца Люй Гуйхуа вдруг захотелось позвонить Ню Санынцзиню. На тот момент в ближайшем селе уже месяц как поставили телефон. Между тем знакомство Янь Шоуи и мальчишек с Люй Гуйхуа стало настолько близким, что та запросто ходила при них в лифчике. Как-то раз, когда освещенная лампой комната наполнилась мальчишечьими тенями, Люй Гуйхуа завела такой разговор:

— Кто из вас ездил в село звонить по телефону? Я бы взяла такого с собой на почту.

Мальчишки соскочили со своих мест, наперебой предлагая себя в провожатые. Лу Гоцин рукой остановил всех желающих:

– Поеду я, потому как я телефоном уже пользовался.

Люй Гуйхуа в это время как раз умывалась. Услыхав такое заявление, она приподняла лицо над тазиком и, пока жемчужинки капель стекали вниз, спросила:

– А как звонят по телефону?

Лу Гоцин стащил с себя тапок и прислонил к щеке, изображая следующую сцену:

– Братец Саньцзинь? Это Лу Гоцин. У тебя все нормально? Чем кормят? Кашей или лапшой?

Все засмеялись. Цзян Чангэнь не желал уступить Лу Гоцину:

– Так говорить всякий может, а вот нужный рычажок ты сумеешь переключить?

Лу Гоцин изобразил переключение механизма:

– Чего там уметь? Крутишь себе как водяное колесо, и все, чем сильнее, тем лучше.

В этот момент поднялся Янь Шоуи. В прошлый раз из-за своих царапин он удостоился внимания Люй Гуйхуа. Это сразу подняло его авторитет среди мальчишек. И хотя это не изгладило полностью его вину после истории с пельменями, однако временами он уже мог выражать свое мнение. И вот сейчас, в этот ключевой момент, он им воспользовался:

– Лу Гоцин никогда не звонил по телефону. Только позавчера он спрашивал меня, как выглядит телефон.

В ответ на это Лу Гоцин треснул Янь Шоуи по голове своей тапкой:

– Я не звонил, а ты-то звонил, что ли?

Янь Шоуи, у которого от оплеухи из глаз посыпались искры, вдруг вспылел и припер Лу Гоцина к двери.

– Я тоже не звонил, зато я знаком с Лао Нью, который работает телефонистом.

Припертый к двери Лу Гоцин вытер с губы кровь и, все еще не понимая, спросил:

– Ну и что с того, что ты знаешь Лао Нью?

– А то, что если сам я не умею переключать рычаги, то мне в этом поможет Лао Нью.

Тут на сторону Лу Гоцина встал Ду Техуань и бросил в сторону Янь Шоуи:

– Да ты же и говоришь-то коряво, а если не дозвонишься? Ведь это будет провал.

Янь Шоуи сорвал с себя кепку и швырнул ее в Ду Техуаня.

– Если не дозвонюсь, тогда лично побегу на Третий рудник!

С этими словами он, готовый к драке, снова принял боевую позу. Люй Гуйхуа уже успела умыться и теперь заплетала косы. Обведя взглядом всех мальчишек, она остановилась на Янь Шоуи и произнесла:

– Бай Шитоу, отправляемся с тобой завтра утром.

Так, благодаря Люй Гуйхуа, Янь Шоуи в 1969 году удалось позвонить по телефону. А через тридцать лет Янь Шоуи прикинул, что, если бы не Люй Гуйхуа, его знакомство с телефоном состоялось бы как минимум на десяток лет позже.

В случае с отдельным человеком это неважно, а вот для целой нации десять лет могут сыграть огромную роль в темпах развития народного хозяйства.

В 1969 году у Янь Шоуи начал ломаться голос. Если раньше он звенел, словно у молодого петушка, то теперь вдруг стал сиплым, словно у старичка. Именно этим сиплым голосом Янь Шоуи отстоял возможность отправиться позвонить по телефону. Однако так вышло, что, как и в прошлый раз в истории с пельменями, он снова задел за живое своих товарищей. Более того, теперь это касалось их мужских чувств. Лу Гоцин и остальные посчитали, что для Янь Шоуи, который приделал к своему велосипеду подставку для ног и повез в село Люй Гуйхуа, главным желанием было остаться с ней наедине. На самом деле все было не совсем так. Два месяца назад, когда Чжан Сяочжу прислал письмо Янь Шоуи, у того не нашлось денег, чтобы отправить ему ответ. И теперь он через Ню Саныцзиня, которому собиралась звонить Люй Гуйхуа, хотел передать Чжан Сяочжу, что оставленный им фонарь из-за посаженного аккумулятора уже не светит, поэтому на небе он писать не может. Янь Шоуи хотел попросить Чжан Сяочжу, чтобы тот при случае передал ему через Ню Саныцзиня какой-нибудь старенький аккумулятор. Но ведь не мог же Янь Шоуи поведать обо всем этом Люй Гуйхуа или Лу Гоцину с мальчишками. Они и так-то возмущались, а узнай, что Янь Шоуи преследует двойную выгоду, вообще бы впали в бешенство.

Все это осложнялось тем, что должно было держаться в строжайшей тайне от отца Янь Шоуи. В прошлый раз Янь Шоуи уже получил от него оплеуху за то, что хотел послать письмо Чжан Сяочжу. И если теперь Чжан Сяочжу получит от него устное послание через Ню Саныцзиня, то Янь Шоуи, можно сказать, наступит на те же грабли. Плюс ко всему нельзя было допустить, чтобы Лу Гоцин и остальные сообщили отцу новость о том, что Янь Шоуи собирается ехать в село на почту. Ведь звонить собиралась Люй Гуйхуа, а телефонистом был Лао Ню, то есть дело касалось именно тех двух людей, о которых его отец даже слышать не хотел. Тут как ни крути, а сохранить все шито-крыто и избежать наказания Янь Шоуи было сложно.

К счастью, как раз в эти дни подготовки к поездке старик Янь подхватил лихорадку. До обеда его знобило под тремя одеялами, а после обеда прошиб такой пот, что все три одеяла промокли. Возвратившись от Люй Гуйхуа, Янь Шоуи встал около отца в изголовье кровати и какое-то время просто хмурил брови, не зная, чем же ему помочь, а потом хрипло стал предлагать:

– Пап, тебе холодно? Давай разогрею для тебя кирпич?
Пап, тебе жарко? Давай принесу тебе прохладной водички в ковше? – А потом и вовсе жалобно заскулил: – Я скучаю по маме. – Посмотрев на бабушку, добавил: – Нельзя, чтобы папа так мучился.

Отец и бабушка обратили взгляды в сторону Янь Шоуи,

а тот продолжал:

– Завтра же утром я съезжу в село и куплю там снадобье.

Отец, закрыв глаза, беззвучно затрясся, а бабушка на это сказала:

– Вот и вырос наш мальчик.

Вот так вот все непросто.

Сельский телефонист Лао Ню и торговец луком Лао Ню, казалось, были двумя разными людьми. Когда Лао Ню продавал лук, он запомнился Янь Шоуи своей доброжелательностью, а сейчас в нем торжествовало сплошное высокомерие. В 1968 году голос у него был похож на женский, а в 1969-м стал как у настоящего мужика. Оказывается, смена профессии может даже изменить голос. От деревни Яньцзячжуан до села Уличжэнь на протяжении сорока ли шла горная дорога. На полпути с неба посыпалась снежная крупа. С велосипеда из-за подставки для ног то и дело срывалась цепь. Передвигались с частыми остановками, так что путь до села и так вышел нелегким, а тут еще и приезд выпал на ярмарочный день. Янь Шоуи и Люй Гуйхуа, один с велосипедом, другая с узелком, стали проталкиваться к небольшому зданию почты. Тут Янь Шоуи обнаружил, что, пока протискивался сквозь толпу, потерял одну тапку. К этому времени снег прекратился, и он пошел разыскивать в слякоти свою пропажу. Когда же он возвратился к почте, Лао Ню уже стал закрываться на обед.

– Закрываемся, закрываемся, приходите после обеда!

На стене переговорного пункта остались болтаться две связки щелочных батареек. Лао Ню снял телефонный аппарат и стал упаковывать его в деревянный ящичек, после чего

навесил на этот ящичек большой замок. Из-за ярмарки народу на почте собралось – не протолкнуться. Янь Шоуи, весь взмокший, все-таки пролез к Лао Нью:

– Дядюшка Нью, я сорок ли проехал на велосипеде, чтобы позвонить.

– Да хоть сто, все равно подождать придется. Тут и мне отдых требуется, и телефону, который устал уже за полдня.

– Дядюшка, моего отца зовут Лао Янь, мы из деревни Яньцзячжуан, раньше он вместе с тобой продавал лук.

Лао Нью уставился на Янь Шоуи, а тот своим осипшим голосом продолжал:

– В прошлом году, как раз на зимнее солнцестояние, ты останавливался у нас.

Лао Нью, глядя на Янь Шоуи, вытащил из заднего кармана связку ключей, собираясь уже было открыть замок, но в самый последний момент вдруг передумал:

– Все равно нельзя, надо мной еще начальник Шан стоит. Пока смена не кончится, я даже отцу родному не могу дать позвонить!

Тут вперед с узлом в руках протиснулась и Люй Гуйхуа:

– Дядюшка, а после обеда во сколько начнете работать?

Лао Нью теперь уже уставился на Люй Гуйхуа, посмотрел-посмотрел на нее и, засмеявшись, сказал:

– Вот поем дома того-сего да вернусь, считай, что на перекур вышел.

Этим своим вопросом Люй Гуйхуа только все испортила.

Из-за нее Янь Шоуи пришлось спланировать этот день восьмого числа одиннадцатого лунного месяца вовсе не так, как он хотел. Для него было лучше позвонить или прямо сейчас, или тогда уже попозже, чтобы за время обеда успеть сбежать отцу за лекарством. Если у Люй Гуйхуа в селе было только одно дело, то у Янь Шоуи – целых три. Ответ Лао Ню про перекур для него оказался ни то ни се, было ясно одно – отлучаться Янь Шоуи не следовало. Еще по дороге сюда Янь Шоуи сомневался, стоит ли рассказать Люй Гуйхуа, что он также поехал отцу за лекарствами. Ведь, скажи он ей про это, выйдет, что у него имелись планы получить двойную выгоду, а это могло испортить их совместный разговор по телефону. В итоге он ничего не сказал, и всю дорогу они ехали молча. Люй Гуйхуа, обхватив его, сидела сзади. А если он раскроет свои карты прямо сейчас и пойдет за лекарством, оставив ее на почте одну, это и вовсе будет выглядеть как обман. Тогда она подумает, что всю дорогу он ее дурачил. Как говорится, казенная соль на деле окажется контрабандой. Поэтому теперь Янь Шоуи надеялся лишь на одно – чтобы Лао Ню пообедал побыстрее, другими словами, чтобы это вышел совсем небольшой перекур. А там уж, после телефонного звонка, он вроде как заодно забежит купить лекарство. В таком случае он лишний раз расположит к себе Люй Гуйхуа, которая наверняка удивится: «Ну надо же, что же ты молчал!»

Итак, Янь Шоуи вместе с Люй Гуйхуа остался сторожить свою очередь. Каждый из них уже съел по паре лепешек, что

по времени равнялось небольшому перекуру. Однако обед Лао Нью затягивался. И только когда солнце стало клониться к западу, пришаркал Лао Нью. Зевнув, он объяснил собравшимся:

– Гостей принимал.

Потом он открыл замок на ящичке с телефоном. Народ снова образовал давку. Янь Шоуи стал отчаянно проталкиваться вперед. Сжимая два мао¹⁰, которые дала ему Люй Гуйхуа, он сунул деньги в руку Лао Нью. Тот взял их и спросил:

– Куда звонить будем?

– На Третий рудник в Чанчжи, Третий рудник.

Тут Лао Нью словно очнулся и протянул деньги обратно Янь Шоуи:

– Третий рудник, говоришь? Туда не получится.

– Почему?

– Слишком далеко, больше двухсот ли. Это ж сколько столбов понадобится тянуть туда линию! Тут в пределах уезда, считай, в нескольких десятках ли, и то связь барахлит, а ты в Третий рудник звонить задумал!

Янь Шоуи готов был расплакаться:

– Дядюшка, да я тут целый день прождал, никуда не отлучался!

– Тогда жди, когда вся очередь пройдет, сначала пусть позвонят те, кому ближе.

Люй Гуйхуа стала уговаривать Янь Шоуи:

¹⁰ Денежная единица, равная $\frac{1}{10}$ юаня.

– Давай подождем, главное, что позвоним, а когда – неважно.

Янь Шоуи с трудом сдержался, чтобы не заплакать. Шансов купить лекарство у него оставалось все меньше. Тут Янь Шоуи стал уже переживать за отца, ведь тот сейчас лежал и мучился в жару. Наконец, когда солнце приготовилось сесть за гору, на почте остались лишь трое: Лао Ню, Янь Шоуи и Люй Гуйхуа.

– Только я предупреждаю, – сказал Лао Ню, – что шансов дозвониться у вас один-два из десяти.

Янь Шоуи к этому моменту уже не волновало, смогут они дозвониться или нет, он снова протянул деньги Лао Ню:

– Дядюшка, мне уже без разницы, как оно выйдет, главное, давай побыстрее.

Лао Ню невозмутимо стал нажимать на рычаг и кричать в трубку:

– Третий рудник, соединить с Третьим рудником!

В трубке послышались прерывистые гудки, после чего связь оборвалась. Лао Ню всплеснул руками:

– Ну вот, я же говорил, не получится, а вы не верили!

Чуть помолчав, он добавил:

– Я тут уже больше месяца работаю, до Третьего рудника еще никто не дозванивался!

Янь Шоуи посмотрел на Люй Гуйхуа:

– Ну что ж, сестрица, тогда пойдем, что ли?

Люй Гуйхуа подошла поближе к Лао Ню и попросила:

– Дядюшка, попробуй еще разок, у меня дело срочное!

Лао Нью посмотрел на нее:

– Так кто же тут без дела звонит? Предупреждаю сразу, последний раз!

Он снова с упорством стал жать на рычаг:

– Третий рудник, Третий рудник!

И тут на удивление в трубке послышался голос:

– Вам кого, куда звоните?

– Да мне не ты нужен, а Третий рудник!

– Это и есть Третий рудник, Третий рудник!

Лао Нью даже несколько растерялся, он все еще сомневался:

– Как это Третий рудник? Туда ведь не прозвониться. Кто это говорит? Кто говорит?

– Это Лао Ма из Третьего рудника, телефонист Лао Ма. А ты кто? Ты кто?

Лао Нью обрадовался как ребенок:

– О, да это и впрямь Третий рудник. Это Лао Нью из села Уличжэнь, телефонист Лао Нью из Уличжэня. Лао Ма, а у нас тут сегодня ярмарка была. Я в прошлом году приезжал к вам лук продавать. Не помнишь меня?

Голос на том конце заколебался:

– Лао Нью, какой еще Лао Нью? Сюда много кто приезжает лук продавать.

– Я приезжал к вам за два дня до зимнего солнцестояния, на мне еще шапка-ушанка была, лук вез ослик хромой, у него

нога была об рельсу поранена.

Лао Ма призадумался, ковыряясь в своей памяти, потом неуверенно сказал:

– Вспомнил, вспомнил.

– Лао Ма, у вас там тоже уже скоро стемнеет, еще не ужинал?

– Сменщик пока не пришел, так что не ужинал.

– Что там у вас сегодня, каша или лапша?

– Вчера давали кашу, значит, сегодня, может, будет лапша.

В этот момент Люй Гуйхуа чуть пихнула Янь Шоуи. Тот выступил вперед:

– Дядюшка, дайте хоть моей сестрице сказать пару слов.

Тут только Лао Нью вспомнил, что этот звонок заказывали Янь Шоуи и Люй Гуйхуа. Он неохотно протянул трубку Люй Гуйхуа:

– Говори, да побыстрее, не рассусоливай!

Рука Люй Гуйхуа, взявшая трубку, задрожала, девушка неуверенно промусолила:

– Это Третий рудник? Мне нужен Нью Саныцзинь.

Лао Ма на другом конце провода откликнулся:

– Нью Саныцзинь, а кто это?

– Он добывает уголь в шахте.

– Уголь добывают несколько тысяч человек, это телефон у нас тут один. Как мне прикажешь его искать? Если хочешь что-нибудь ему сказать, говори быстрее, я потом передам.

Тут Люй Гуйхуа передала трубку Янь Шоуи и прошептала: – Ошибка какая-то, там кто-то другой отвечает, говори ты.

Янь Шоуи взял трубку, рука у него тоже задрожала, он долго не мог ничего сказать. Наконец Лао Ма на том конце не выдержал:

– Почему молчим? Я сейчас повешу трубку!

Янь Шоуи спохватился и затараторил своим сиплым ломающимся голосом:

– Дядюшка, меня зовут Янь Шоуи, в детстве звали Бай Шитоу, мою сестрицу зовут Люй Гуйхуа, она просто хотела спросить, когда Ню Саныцзинь вернется домой.

– Это весь вопрос? И ради этого вы звоните?

Бац! – и на том конце с чувством повесили трубку. Только сейчас Янь Шоуи вдруг вспомнил, что он забыл сказать еще кое-что, а именно – чтобы Ню Саныцзинь попросил Чжан Сяочжу при случае привезти с собой списанный аккумулятор для фонаря. Однако Лао Ню уже отнял у него телефон и стал запираť его в ящик.

Выйдя из почты, Янь Шоуи посадил на велосипед Люй Гуйхуа и быстренько направился в аптеку за лекарством для отца. Но аптека уже закрылась. Он изо всех сил затарабанил в дверь, но никто не отозвался. Оказавшийся рядом старик, который торговал жареными язычками¹¹, сказал, что хозяин лавки вышел буквально только что. Он направился осмат-

¹¹ Печеные лепешки в виде бычьих язычков.

ривать заболевшую свинью в деревне Мацзячжуан за пятнадцать ли отсюда. В 1969 году в их селе имелась лишь одна аптека, а ее хозяин лечил как людей, так и скотину. Торговец язычками обмолвился, что приди они хотя бы на перекур раньше, то наверняка бы успели.

Когда Янь Шоуи возвратился из села, куда он ездил звонить, отец отстегал его колодезной веревкой так, что на нем живого места не осталось. Стоит добавить, что веревку он сперва еще и намочил. Сына он побил вовсе не потому, что тот не смог привезти лекарство. Даже хорошо, что не привез, потому как вскоре после отъезда Янь Шоуи в село болезнь отступила. Полихорадило пять дней и стало лучше. Встав с кровати, Лао Янь по стеночке вышел из дома, из дома – за ворота. Голова у него еще немного кружилась. На улице шел мелкий снежок, и нечеткие силуэты прохожих расплывались. И тут ему на глаза попался двоюродный брат Янь Шоуи по прозвищу Хэй Чжуаньтоу¹². В этом году парню исполнилось четырнадцать, так что он был старше Янь Шоуи на два года. Пару лет назад, аккуратно на праздник «лаба»¹³, когда дома готовили баранину, мальчишки поссорились из-за бараньего копытца, и Янь Шоуи разбил об голову Хэй Чжуаньтоу тарелку, с тех пор они враждовали и не разговаривали. Поэтому сейчас Хэй Чжуаньтоу из кожи вон лез, чтобы прояснить ситуацию и во всех красках расписать старику

¹² Дословный перевод прозвища Хэй Чжуаньтоу – Черный Кирпич.

¹³ Традиционный праздник, своего рода прелюдия к китайскому Новому году – празднику Весны. Отмечается восьмого числа двенадцатого лунного месяца. В этот день принято варить сладкую кашу из восьми видов злаков.

Лао Яню истинную цель поездки Янь Шоуи в село. Таким образом, то, о чем отцу Янь Шоуи не рассказали Лу Гоцин, Цзян Чангэнь и Ду Техуань, рассказал Хэй Чжуаньтоу.

После порки Янь Шоуи десять дней не разговаривал. В гости у Люй Гуйхуа он тоже не появлялся. У него тогда было ощущение, что жизнь закончилась. На одиннадцатый день из Третьего рудника шахты Чанчжи вернулся Ню Санынцзинь. А на двенадцатый день в школе Цзян Чангэнь поведал Янь Шоуи, что накануне вечером, когда они сидели у Люй Гуйхуа, Ню Санынцзинь рассказал им историю, как десять с лишним дней назад Янь Шоуи и Люй Гуйхуа позвонили на Третий рудник. Ню Санынцзинь объяснил, что на весь рудник имелся лишь один телефон, поэтому телефонист Ма передает всю информацию о звонках по громкоговорителю. На руднике повсюду горы, конца и края им нет. В тот день, когда Янь Шоуи оставил по телефону свое сообщение, Лао Ма включил репродуктор, и из всех громкоговорителей понеслось: «Разыскивается человек, разыскивается человек. Ню Санынцзинь, Ню Санынцзинь. Жену твою звать Люй Гуйхуа. Люй Гуйхуа просила узнать, приедешь ли ты в ближайшее время?!!» Ню Санынцзинь рассказал, что все это случилось в пересменку, поэтому из самых разных щелей повылезало несметное количество чумазых, увенчанных фонарями шахтеров, в то время как другая партия рабочих, наоборот, спускалась в шахты. На руднике шел сильный снег. Лао Ма по несколько раз повторял одно и то же, а ему вдогонку вторило еще и

горное эхо. Из-за этого казалось, что в вихре снежинок вернутся сразу несколько десятков миллионов Лао Ма. Услыхав такое сообщение, занесенные снегом шахтеры белозубо улыбались. В следующие десять с лишним дней у них, там, на Третьем руднике, сложилась песенка-прибаутка. Ее каждый день пели в столовой, отбивая ритм палочками по мискам:

Ню Саныцзинь, Ню Саныцзинь,
Жену твою звать Люй Гуйхуа.
Люй Гуйхуа просила узнать,
Приедешь ли ты в ближайшее время.

Янь Шоуи, услышав про это, расплакался.

Через тридцать с лишним лет известный телеведущий Янь Шоуи в рамках ток-шоу «Хочешь? Говори!» сделал передачу под названием «Телефонные звонки». Эта передача не только подняла рейтинг ток-шоу на новую высоту, более того, в народе второе дыхание обрела песенка про Нью Саньцзиня и Люй Гуйхуа. В конце года благодаря этой передаче Янь Шоуи по результатам зрительского голосования получил премию «Златоуст». А спустя год дочь Люй Гуйхуа, Нью Цайюнь, приехала в Пекин поступать в театральный институт на факультет актерского искусства и остановилась в семье Янь Шоуи. При первой встрече с Нью Цайюнь Янь Шоуи поразился:

– Как похожа, точь-в-точь твоя мама! Я ведь ее и не видел с тех пор, как она переехала на рудник.

На это Нью Цайюнь, нисколько не смущаясь, возьми да скажи на своем шаньсийском наречии:

– Моя мама, как увидит вас по телевизору, так сразу смеется. Ту передачу про телефонные звонки она тоже смотрела. Только она сказала, что в тот раз звонить в село с ней ездили не вы. Вы тогда еще не умели ездить на велике.

Янь Шоуи очень удивился:

– И кто же это был, если не я?

– Мама всю ночь вспоминала, а наутро сказала, что никто

с ней туда не ездил, в тот год она вообще никуда не ездила звонить.

– Твою мать! – сорвался Янь Шоуи, мысленно возвратившись в 1969 год.

Вторая часть

Юй Вэньцзюань, Шэнь Сюэ, У Юэ

1

Из-за одной случайной оплошности Янь Шоуи развелся. Еще утром, когда он уходил на работу, стояла тишь да гладь, а вечером в доме разорвалась бомба.

– Надо же, как быстро.

Такова была первая реакция Янь Шоуи на разорвавшуюся бомбу. В этом смысле Янь Шоуи знал, что в непредвиденных ситуациях или, например, перед смертью сознание работает очень четко, настолько четко, что человек успевает сказать свою последнюю фразу. Однако бывает, что некоторые фразы не всегда уместны. Очень может статься, что это вообще будет полная чушь. Янь Шоуи вдруг подумал, что все происходящее в жизни напоминает резинку: если ее постоянно растягивать, она удлиняется, удлиняется, а потом вдруг раз – и срывается. То же самое происходит и со временем, которое неожиданно наполняется событиями до предела. Но самое ужасное заключалось в том, что если раньше жена Янь Шоуи, Юй Вэньцзюань, всегда разговаривала степенно и сдержанно, со всеми вела себя исключительно приветливо, то сейчас

из-за этой неожиданно разорвавшейся бомбы она строчила как из пулемета. Когда речь уже зашла о разводе, ее «та-та-та-та» зараз было способно смести половину позиций противника. При этом лицо ее оставалось бесстрастным, более того, на нем время от времени появлялась улыбка, в точности как у Дун Цуньжуя¹⁴, который подорвал себя с таким же благостным выражением, как бы говоря: «Пусть я погибну, но взорву этот вражеский бункер». Наблюдая дым после взрыва, Янь Шоуи как-то совсем растерялся. Как ведущий ток-шоу, он всегда слыл весельчаком и балагуром, сейчас же, сдвинув брови, он надолго ушел в себя, не в силах промывать что-то дельное в ответ.

Юй Вэньцзюань страдала от бесплодия. Когда бывшие супруги вышли за порог уличного комитета, где они оформили развод, Янь Шоуи, глядя, как подрагивает удаляющийся силуэт Юй Вэньцзюань, хотел было броситься вдогонку, чтобы сказать ей что-нибудь, но так и не придумал подходящих слов. Когда же Юй Вэньцзюань вернулась, чтобы отдать ключи от дома, он вдруг нашел такие слова.

– Береги свое здоровье, – сказал Янь Шоуи и тут же понял, что ляпнул самое неподходящее из того, что можно было сказать.

Причина развода была совершенно тривиальной. Одинна-

¹⁴ Дун Цуньжуй – солдат Народно-освободительной армии Китая времен гражданской войны. За самопожертвование посмертно награжден медалью «За храбрость» и орденом Мао Цзэдуна. Известность Дун Цуньжуя сохраняется в Китае и поныне, истории о нем включены в школьную программу.

дцатого февраля Юй Вэньцзюань благодаря мобильному телефону Янь Шоуи узнала, что кроме нее у ее мужа есть другая женщина. Сначала Янь Шоуи думал, что Юй Вэньцзюань развелась с ним из-за другой женщины, однако потом оказалось, что была еще и другая причина.

У Янь Шоуи был хороший друг, которого звали Фэй Мо. В двадцать-тридцать лет у Янь Шоуи было много друзей. Они то и дело собирались вместе поболтать, им было весело и легко, жизнь бурлила. Но когда всем перевалило за сорок, среди друзей-мужчин остался только один Фэй Мо, словно склонившийся над чашечкой кофе, засидевшийся до рассвета постоялец в огромном отеле. Иногда Янь Шоуи силился вспомнить, что же именно они с друзьями с таким жаром обсуждали, но не мог. Сейчас из друзей остался один, но его слова тоже канули в Лету.

Фэй Мо родился в 1954 году в год Лошади и был на три года старше Янь Шоуи. Толстячок-коротышка Фэй Мо преподавал в университете, был пекинцем, носил очки с толстыми стеклами. Вне зависимости от сезона он любил наряжаться в традиционную китайскую куртку, зимой дополняя свой наряд обмотанным вокруг шеи шарфом. В его речи перемежались фразы из древней и современной литературы. Когда Янь Шоуи увидел его в первый раз, тот сразу напомнил ему интеллигента двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия. В университете Фэй Мо учился вместе с двоюродным братом матери Юй Вэньцзюань, супруги Янь Шоуи. Янь Шоуи встретился с Фэй Мо шесть лет назад, когда отмечали сто дней со дня рождения сына его одногруппни-

ка. Отпраздновать это событие собрались за столом с традиционным «самоваром». Во время первой встречи с Фэй Мо Янь Шоуи показалось, что тот вообще не любил разговаривать. Прошла половина банкета, а Фэй Мо, склонившись над котелком, был поглощен исключительно процессом приготовления мяса, которое он сначала опускал в кипяток, потом обмакивал в соус, а потом, лоснясь от пота, отправлял в рот, при этом не произнося ни слова. Никто не обращал на Фэй Мо никакого внимания, все были предоставлены самим себе. Сначала собравшиеся отпустили несколько шуток о политике, тут же вспомнили какие-то веселые непристойности, потом стали обсуждать то, что было на столе. От пекинского «самовара» они переключились на «самовар» чунцинский, от чунцинского – на сычуаньский. В конце концов Янь Шоуи выступил с утверждением, что если «острых речных раков», которых опускают в котел, производят в провинции Хубэй, где много вонючих речушек и канав, то тогда родиной всех «котелков-самоваров» следует назвать Сычуань, находящийся в самой котловине. И вот тут-то, снимая очки и вытирая пот, взял слово Фэй Мо. Свою речь он произносил не спеша, глядя не на сидящих за столом, а куда-то вверх. Начал он откуда-то совсем издалека. Цитируя каноны, он для начала вспомнил северных инородцев, потом перешел к Чингисхану, потом к Циньской династии, потом к жареным лепешкам из пшеничного теста, заметив, что традиция готовить «самовар» относится к временам, связанным

с падением шести государств и появлением централизованной Циньской империи. Когда рассказ подошел к этой логической развязке, все решили, что Фэй Мо на этом и закончит, однако тот продолжил свою неспешную лекцию от времен Циньской вплоть до последней Цинской династии¹⁵

¹⁵ Династия Цинь правила Китаем с 221 по 206 год до нашей эры, а династия Цин – с 1644 по 1911 год нашей эры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.